

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-178-184

КАЗАНЬ В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. ТОЛСТОГО: МЕЖДУ ФАКТОМ И ВЫМЫСЛОМ

© Михаил Перепёлкин

KAZAN IN ALEKSEY TOLSTOY'S BIOGRAPHY AND WORKS: BETWEEN FACT AND FICTION

Mikhail Perepelkin

This article is devoted to identifying and understanding the “Kazan text” in the biography and works of Aleksey Tolstoy. Having got acquainted with the city in his youth, the writer visited Kazan many times, mentioned it in his letters to the loved ones, and described it on the pages of fiction - in the trilogy “The Road to Calvary” and in the story “The Viper”. However, in Tolstoy’s case, close knowledge of the city and urban realities did not prevent the artistic rethinking and mythologization of the Kazan episodes of his own biography, on the contrary, it implied such a rethinking: this was precisely the writer’s method of working with historical material drawn from non-fiction reality. Encrypting the facts of his own biography and the biographies of his loved ones, shifting accents and mixing reality and fantasy, Alexey Tolstoy created a complex and voluminous artistic image of the city and himself as part of this image, living in the space between fact and fiction.

Keywords: Aleksey Tolstoy, Kazan, family correspondence, Kazan text, “The Road to Calvary”, “The Viper”, memories, meanings

Настоящая статья посвящена выявлению и осмыслению «казанского текста» в биографии и творчестве Алексея Николаевича Толстого. Познакомившийся с городом в юности, писатель неоднократно бывал в Казани, упоминал ее в письмах близким, выводил на страницах художественных произведений – в трилогии «Хождение по мукам» и повести «Гадюка». Однако близкое знание города и городских реалий в случае Толстого не только не препятствовало художественному переосмыслению и мифологизации казанских эпизодов собственной биографии, но и, напротив, предполагало такое переосмысление: именно таким был метод работы писателя с историческим материалом, почерпнутым из внехудожественной действительности. Зашифровывая факты собственной биографии и биографий своих близких, смещая акценты и мешая реальность и фантазию, А. Н. Толстой создавал сложный и объемный художественный образ города и себя как часть этого образа, живущего в пространстве между фактом и вымыслом.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, Казань, семейная переписка, казанский текст, «Хождение по мукам», «Гадюка», воспоминания, смыслы

Для цитирования: Перепёлкин М. Казань в биографии и творчестве А. Н. Толстого: между фактом и вымыслом // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 2 (80). С. 178–184. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-178-184

Прежде всего дадим слово самому А. Н. Толстому, в октябре 1941 г. в последний раз побывавшему в Казани и произнесшему в этот свой приезд в город такие слова:

«Казань для меня город почти родной. Здесь я учился. Здесь произошло мое литературное „боевое крещение“, здесь же я пережил и свою первую любовь» [1].

Признание писателя дорогого стоит, и казанцы, разумеется, с радостью эти слова подхватили и с тех пор много раз и с большим удовольствием тиражировали их, найдя им и соответствующие подтверждения, и – объяснение. Но вот здесь-то нас и ждет одно-единственное, но очень большое «но»: все было бы хорошо, если бы человеком, произносившим эти восторженные слова, был кто угодно другой, но – не Алексей Н. Толстой, вдохновенно сочинявший были и небылицы, перемешивавший их между собой и

упивавшийся этим коктейлем, в котором подчас было не только трудно, но и невозможно разобратся. Таким был принцип его творчества, включая и житнетворчество тоже, – веселым, артистичным и никогда не равным плоской исторической действительности. Разбираться же в том, что откуда выросло как в толстовских «признаниях», так и в его произведениях, необходимо и для того, чтобы не быть проведенным художником, как известно, очень любившим водить за нос, в том числе своего читателя, и для того, чтобы приблизиться к самому художнику, за артистическими приемами и художественными подтасовками которого часто скрывается то, что было писателю действительно дорого и ради чего часто и затевался весь спектакль с переживаниями, приключениями и т. д. Нет поэтому ничего случайного в том, что связи Толстого с Казанью давно обратили на себя внимание исследователей, изучались и анализировались.

Первым, кто писал о казанских страницах в толстовской биографии, был Е. Г. Бушканец, в 1983 г. опубликовавший в «Вечерней Казани» статью «Первые публикации в Казани» [2]. По его словам, первая встреча юного А. Н. Толстого с Казанью состоялась в 1901 г., когда, окончив Самарское реальное училище, юноша отправился в Петербург, причем до Нижнего Новгорода он плыл на пароходе вместе с матерью, по дороге посетив Казань и познакомившись с городом:

«Был в Казани – очень понравился город, лучше Нижнего, хотя и меньше, на всем лежит аристократический отпечаток, что ни говори – университетский город» [3, с. 181].

Летом 1905 г. Толстой вновь побывал в Казани, на этот раз – у тестя и тещи Рожанских, переехавших в Казань из Самары, а в ноябре этого же года Толстой с женой вновь приехали в Казань из Петербурга в связи с закрытием в столице учебных заведений, в которых они учились. Именно в этот приезд молодого писателя в казанской газете «Волжский листок» были помещены три стихотворения, принадлежащие его перу, и две заметки под названиями «Письмо в редакцию» и «Из жизни одной казанской гимназии» (авторство второй из этих заметок было установлено автором публикации в «Вечерней Казани» Е. Г. Бушканцем).

Работа Е. Г. Бушканца положила начало исследованию биографических и творческих связей волжанина А. Н. Толстого с волжским городом, в который он не раз возвращался и про который не однажды писал. В дальнейшем исследователями были установлены и другие факты, использованные, в частности, при создании виртуальной вы-

ставки «Казань в судьбе А. Н. Толстого», открытой в Национальной библиотеке Республики Татарстан к 140-летию писателя в январе 2023 г. Так, в размещенном на сайте библиотеки сопроводительном тексте сообщается о том, что вторая встреча А. Н. Толстого с Казанью произошла летом 1902 г., когда окончивший первый курс Технологического института и только что женившийся на Ю. В. Рожанской Толстой, проезжая на теплоходе в Елабугу, останавливался вместе с женой на ночь в Казани [1]. Приезжал А. Н. Толстой в Казань и в июле 1906 г., но вскоре выехал оттуда, якобы «получив телеграмму о смерти матери»¹. Последняя же встреча писателя с городом состоялась, как было сказано выше, в октябре 1941 г., когда А. Н. Толстой дважды выступил перед казанскими писателями и писателями, эвакуированными из Москвы, а также опубликовал в газете «Красная Татария» статью «Москве угрожает враг».

На сегодняшний день известны следующие основные вехи творческой рефлексии казанского сюжета в творчестве А. Н. Толстого: «Казанские впечатления <...> легли в основу переживаний и раздумий Ивана Ильича Телегина в романе „Хожение по мукам“, а действие повести „Гадюка“ <...> почти целиком разворачивается в Казани. Героиней повести стала дочь казанского купца Ольга Зотова. Толстой подробно рассказал о захвате города белочехами: перед нами встают картины гражданской войны, ярко описаны улица Проломная (ныне улица Баумана), пожар в доме Зотова, военный госпиталь, где встречается герой рассказа» [1].

Таким образом, можно констатировать то обстоятельство, что исследование «казанского текста» в биографии и художественном творчестве А. Н. Толстого, начавшееся более сорока лет назад, опирается на работу известного ученого, имеет свои традиции и не стоит на месте, обогащаясь новыми фактами и перспективными наблюдениями. Попробуем, в свою очередь, внести свой вклад в разработку данного исследовательского сюжета и обратимся вначале к его биографической составляющей, представленной главным образом семейной перепиской родителей А. Н. Толстого и его самого, которая датируется 1896–1906 гг.

¹ См.: [1]. Последнее вызывает сомнения, так как сам А. Н. Толстой в очерке «Непостижимое» писал о том, что из Дрездена в июле 1906 г. он выехал прямо в Самару к матери и отчиму и, живя с ними, узнал от встреченного им на улице тестя, В. М. Рожанского, о внезапной болезни А. Л. Толстой; ни о какой поездке в Казань в этом очерке нет и речи: [3, с. 33].

Впервые Казань упоминается в письмах матери будущего писателя и ее гражданского мужа, отчима А. Н. Толстого, А. А. Бострома, в июле 1896 г. 28 июля А. А. Бостром писал жене, находившейся в Киеве, по поводу ее здоровья и возможной операции, о которой говорили ей врачи, что, по его мнению, «лучше бы лечиться в Казани» (Самарский литературный музей. Книга поступлений-353; далее – СЛМ. КП). Однако из дальнейшей переписки неясно, удалось ли отложить намеченную операцию А. Л. Толстой «до Казани» или ж она не состоялась вовсе. Что же касается Казани, то она и в дальнейшем не однажды фигурирует в семейной переписке в связи с самыми разнообразными самарскими и деревенскими, сосновскими, новостями и сюжетами: так, в письме от 19 ноября 1897 г. А. А. Бостром рассказал жене о скандале между графом Н. А. Толстым и Н. Е. Кноррингом, в ходе которого первый из них заявил, что отправлял слизь лошадей для анализа в Казанскую лабораторию, а осенью следующего, 1898 г., он же сообщил, что дочь сельского земского начальника Повало-Швейковского закончила свою эпопею в Марьевке тем, что «увезла с собой в Казань Марьева, старосту, какой и пропал» (Отдел рукописей Института мировой литературы. № 6330/78; далее – ОР ИМЛИ).

Следующая часть переписки относится уже к началу студенчества А. Н. Толстого и датируется 1900-ми гг. 15-16 июня 1901 г. Толстой написал из Нижнего Новгорода цитировавшееся выше письмо к отчиму о том, что Казань понравилась ему своим повсеместным «аристократическим отпечатком», а в августе этого же года А. Л. Толстая в письме к сыну из Самары в Петербург рассказала, что видела на улице Германа Рожанского, брата невесты сына (см.: ОР ИМЛИ. № 6314/23).

В начале апреля 1903 г. А. Л. Толстая получила следующее письмо из Казани, написанное ее сватьей Авдотьей (или – Евдокией) Львовной Рожанской, рассказавшей матери А. Н. Толстого о скором летнем приезде А. Н. и Ю. В. Толстых на лето из Петербурга: «Дорогая Александра Леонтьевна! <...> Из Петербурга получила маленькую записочку, выезжают 28<-го> мая и в первых числах июня будут здесь. Вчера был у нас Комисаров, сообщал, что Алеша и Юлинька страшно располнели, экзамены сдают отлично» (ОР ИМЛИ. № 6319).

Весной 1905 г. уже А. А. Бостром сообщил гостившей у сестры жене казанские новости и среди прочего – адрес Юлии Васильевны: Казань, Большая Красная, дом Русских (см.: ОР ИМЛИ. № 6330/141). А летом этого же года на-

ходившиеся в Самаре родители А. Н. Толстого получили несколько писем как от сына, проходившего практику на Урале, так и от снохи, жившей с сыном возле Казани, в Верхнем Усло-не. Так, в письме от 8 июля 1905 г. первый из них сообщил родителям о том, что по окончании работ он «поедет прямо в Самару, потом – в Казань» (ОР ИМЛИ. № 6315/81), а вторая, во-первых, рассказала о том, что в Казани «была на гастролях Яворская» (ОР ИМЛИ. № 6320/2), а во-вторых, сообщила свой «дачный адрес»: Верхний Услон Казанской губернии Свяжского уезда, дом капитана Власа Недотыкина, дача Рожанских (см.: ОР ИМЛИ. № 6320/2). 31 августа все Толстые – Алексей, Юлия и их сын Юра – уже жили в Казани у Рожанских, думая «ехать в Питер числа 8-10 сентября» (СЛМ. КП-144).

А уже в конце октября 1905 г. находившаяся по своим литературным и театральным делам в Петербурге А. Л. Толстая сообщила в Самару А. А. Бострому, что сын и сноха «едут в Казань, делать им здесь до Рождества нечего» (СЛМ. КП-218). Два последовавших за этим казанских письма А. Н. Толстого в Самару датированы уже январем следующего 1906 г., и одно из них частично дважды публиковалось [3, с. 237], [4, с. 425] – без той части, которая была написана Ю. В. Толстой, рассказавшей свекрови и свекру о сыне Юрочке, а также – о казанском житье-бытье: «Живем мы здесь в Казани ничего себе, знакомых у нас оказалось масса, так что мы с Алешей почти все Рождество ложились спать часа в четыре ночи, много нашлось прежних знакомых» (ОР ИМЛИ. № 6315/83). Второе письмо написано одним А. Н. Толстым и также датируется концом 1905 г. или началом 1906 г., в нем Толстой жалуется родителям на отсутствие денег («Денег у нас ни сантима, все, что можно заложить, – заложили, но дают здесь мало до черта, заполучить ни от кого не предвидится, а деньги нужны» (ОР ИМЛИ. № 6315/84), рассказывает о планах на ближайшее будущее («Придумал я две комбинации, из которых одну выполню наверняка. Это или отбывать теперь воинскую службу, или поехать до осени в Дрезден к Сашке. Как то, так и другое было бы очень удобно» (ОР ИМЛИ. № 6315/84) и делится казанскими новостями («В Казани все скучно и тихо. Кадеты здесь хотят натравить „17 октября“ на партию правоохранителей порядка, и таким образом провалить обе. Здесь даже и не правоохранители порядка, а скорее царисты» (ОР ИМЛИ. № 6315/84).

Однако скорый отъезд Толстого из Казани был связан, по-видимому, не только с планами, о которых шла речь выше, но и с еще одним случаем, заставившим молодого графа как можно

скорее поставить точку на своем пребывании в этом городе. В самом начале февраля К. С. Олешкевич, приревновав Толстого к своей жене, пригласил его к себе и, угрожая револьвером, ударил его хлыстом. На другой день, встретив на улице экипаж своего обидчика, отхлестал его нагайкой [3, с. 364]. Таким образом, живи Толстой в Казани и дальше, эта ссора могла бы перерасти в нечто непредсказуемое, и, возможно, осознавая это, Толстой предпочел ретироваться. В середине февраля он уехал из Казани в Петербург, чтобы дальше проследовать за границу (*«Итак, я уехал. 13 февраля я собрал вещи, чтобы ехать в Самару, но, увы, получил деньги, эти проклятые деньги и проехал прямо в Питер»* [3, с. 237]), а в конце месяца в Самару пришло последнее письмо из Казани от Ю. В. Толстой, в котором последняя рассказала о заграничных планах мужа и о воспитании сына, а также о том, чем занимается она сама, и о том, чем жил в это время город: «Я начала заниматься в городском родильном приюте, немного в детской больнице, где служит папа, хочу еще заняться гинекологией в здешней клинике <...> В Казани у нас так же, как и везде: аресты, высылки, запрещения всякого рода и т.д.» (ОР ИМЛИ. № 6320/4).

Как известно, в июле 1906 г. А. Л. Толстая внезапно ушла из жизни, заболев менингитом, а вскоре ее сын, А. Н. Толстой, принял решение расстаться с женой, по-прежнему жившей в это время у своих родителей в Казани. Этим завершился семейный эпистолярный сюжет Толстых, связанный с Казанью, но – не завершился литературный, который был еще впереди и заявил о себе только годы спустя, когда А. Н. Толстой приступил к работе над будущей трилогией «Хождение по мукам».

Казань появится во всех трех томах толстовской трилогии – «Сестры», «Восемнадцатый год» и «Хмурое утро», и таким образом казанский сюжет не просто намечен в трилогии, но имеет некоторое развитие и динамику, на которой мы остановимся ниже.

Первое появление Казани в трилогии – почти анекдотическое: в «Сестрах» рассказывается о прежних влюбленностях Телегина, между которыми были и казанские.

«Иван Ильич за свою жизнь (ему недавно исполнилось двадцать девять лет) влюблялся раз шесть: еще реалистом, в Казани, – в зрелую девушку, Марусю Хвоеву, дочь ветеринарного врача, давно уже и бесплодно гуляющую, все в одной и той же плюшевой шубке, по главной улице в четыре часа; но Марусе Хвоевой было не до шуток, – Ивана Ильича отвергли, и он без предварительного перехода увлекся гастролершей Адой Тилле, поражавшей казанцев тем, что в

опереттах, из какой бы эпохи ни были они, появлялась, по возможности, в костюме для морского купанья, что и подчеркивалось дирекцией в афишах: „Знаменитая Ада Тилле, получившая золотой приз за красоту ног“» [5, с. 37].

Маруся Хвоева, гуляющая в плюшевой шубке, и гастролерша Ада Тилле в костюме для морского купания – по-разному несчастные, но одинаково комические фигуры, окрашивающие комическими красками и весь первый казанский эпизод в целом.

В следующий раз Казань появится в «Восемнадцатом годе», и все ее появления на этот раз будут военными, связанными с теми событиями, которые разворачивались на Волге летом-осенью 1918 г. Прежде всего, Казань вместе с Нижним Новгородом, Костромой, Рыбинском и Муромом фигурирует среди тех городов, в которых Савинков и возглавляемый им Народный Союз защиты Родины и Свободы планировали поднять антибольшевистское восстание, а далее Даше Булавиной открывают тайну, которая состоит в том, что *«план мобилизации в Казани провален»* [Там же, с. 491]. На банкете *«по поводу победоносного шествия армии Учредительного собрания на север»* обсуждается грандиозная новость о том, что *«в Казани, взятой чехами с налета, было захвачено двадцать четыре тысячи пудов золота на сумму свыше 600 миллионов рублей – больше половины государственного золотого запаса»* [Там же, с. 537]: *«Факт этот был настолько невероятен, грандиозен, что все его неисчерпаемые последствия еще слабо усваивались умами»* [Там же, с. 537]. Наконец, Даша сообщает в письме отцу о том, что она находится в Казани, а ниже, в финале этой части трилогии, идет речь о том, что Телегин *«во время боев под Казанью получил назначение командовать полком и одним из первых ворвался в Самару»* [Там же, с. 582].

В «Хмуром утре» в саму Казань действие не перемещается, но Казань присутствует в сюжете в виде отголосков, отсылающих к казанской географии и смыслам. В одном случае сообщается о том, что на Волге, *«особенно выше Казани»*, сейчас много разговоров об антихристе, а в другом упоминается эвакуированный из Казани историко-филологический факультет, на котором читаются общедоступные лекции.

Таким образом, казанский сюжет «Хождения по мукам» эволюционирует от любовного анекдота к исторической хронике и наконец – к околказанским слухам и реалиям. Разумеется, казанская линия – не только не центральная в трилогии, но и далеко не единственная. Наряду с ней существуют и другие, между которыми есть

и гораздо более ярко представленные, – петроградская, московская, самарская, но присутствие и этой линии, с одной стороны, делает роман гораздо более насыщенным и многослойным, а с другой – углубляет сюжет взаимных связей и перекличек между художественной и внехудожественной реальностями, заставляя читателя и исследователя внимательно и пристально всматриваться в контуры обеих, чтобы различить их истинные границы и принципы взаимодействия.

Представляет интерес и еще одно обращение писателя к казанской географии, а вместе с ней – к казанским смыслам, в повести «Гадюка», написанной А. Н. Толстым уже в конце 1920-х гг. Время действия главного казанского эпизода в повести – это лето – осень 1918 г.: красные в Казани (именно в это время *«загорелся среди бела дня на Проломной улице дом купца второй гильдии, старообрядца Вячеслава Илларионовича Зотова»*) – в Казань входят чехи, а красные эвакуируются – Пятая армия красных берет Казань, а чехи уходят вниз по Волге на пароходах. Но вместе с тем есть в повести «Гадюка» и еще один ретроспективный эпизод, возвращающий читателя в юность героини, а вместе с тем – в Казань 1900-х гг. В этом эпизоде, описывающем прошлую жизнь, которая *«осталась на дальнем берегу»* [6, с. 137–138], лаконично, сжато, короткими яркими мазками нарисована не только картина дореволюционной жизни одного человека – юной девушки², гимназистки, но и история мно-

гих жителей города, зимой празднующих Рождество и святки, весной грустящих в перезвонах великого поста, а летом – отдыхающих на пригородных дачах. Внимательный к деталям, А. Н. Толстой ничего не потерял и не произнес ни одного лишнего слова: имена писателей, характерные звуки и запахи, цвета и даже их тончайшие оттенки – все предельно точно, на своих местах и служит созданию полной картины, которая собирается из деталей, как мозаика из крохотных кусочков смальты, и имя этой мозаике – «прошлая жизнь» самого писателя, которая, как и жизнь героини повести и других ее современников и современниц, тоже «осталась на дальнем берегу», до которого уже нельзя было ни доплыть, ни добраться еще как-то иначе.

Итак, все сказанное позволяет нам сделать несколько выводов относительно формы и смысла «казанского текста» в биографии и творчестве А. Н. Толстого.

Во-первых, проведенное исследование убеждает в необходимости критически оценить признание, сделанное писателем во время выступлений в Казани в октябре 1941 г.: склонный к мифологизации собственной биографии, А. Н. Толстой и на этот раз что-то сгустил, а что-то скрыл или переставил местами. Что касается «учебы» в Казани, то ее просто не было, как не было и литературного «боевого крещения», за которое, конечно, нельзя принять публикацию нескольких юношеских стихотворений и заметок, к которым А. Н. Толстой никогда не относился серьезно и о которых не вспоминал; настоящее боевое крещение писателя состоится гораздо позже и уже не в Казани. Отдельных комментариев требует и фраза о первой любви – не вполне ясная и двусмысленная. Если речь идет о Юлии Рожанской, в 1902 г. ставшей женой Толстого, то знакомство с ней состоялось в Самаре, а венчание – в селе Тургенево Самарской губернии, в Казани же супруги Толстые несколько раз гостили у переехавших из Самары родителей Юлии Васильевны и в конечном счете расстались. Можно ли в таком случае говорить о том, что здесь писатель «пережил свою первую любовь»? Или «пережил» означает здесь «изжил», перешагнул, чтобы идти дальше? Либо речь идет не о взаимоотношениях с Ю. В. Рожанской, а, например, о чувстве к жене К. С. Олешкевича, окончившемся, как уже говорилось выше, драматически и анекдотично в одно и то же время и, вероятнее всего, таким и оставшимся в памяти Толстого, который едва ли стал бы вспоминать о нем на встрече осенью 1941 г.

го не было и не могло быть ни в реальности, ни в его писательском вымысле.

² Продолжая тему толстовских прототипов, заметим, что разгадывание непростой писательской стратегии кодирования внехудожественной реальности в художественную подчас досадным образом подменяется читателями вымыслами и бездоказательными версиями. В исследовательской литературе давно существует мнение о том, что прототипом героини «Гадюки» Ольги Зотовой явилась дальняя родственница писателя Т. С. Сикорская, урожденная Шишкова; все «за» и «против» этой версии были, в частности, рассмотрены и убедительно доказаны Г. Н. Воронцовой в ее статье «Татьяна Сергеевна Сикорская – прототип главной героини повести А. Н. Толстого „Гадюка“?» (см.: [7]). Но в журнале «Казань» появилась публикация М. Подольской «Олечка, распахни окно!» [8], в которой приводится бездоказательная и не основанная ровным счетом ни на чем, кроме авторского допущения, версия о том, что прототипом героини толстовской повести была О. Владимирова, так же бездоказательно записанная почему-то в родственницы к А. Н. Толстому, который «продавшись власти» не только не захотел прийти к ней на помощь, но и сочинил грязный памфлет о ней, каким стала его повесть. Остается только сожалеть о том, что в большой и глубокой работе писателя автор публикации рассмотрела только нечто памфлетное, додумав за Толстого то, че-

Во-вторых, что касается писем и художественных произведений писателя, в 1900-х гг. юноше Толстому в Казани «скучно и тихо», но уже два десятка лет спустя, после всего произошедшего и пережитого, эти же тишина и скука уже кажутся ему чем-то райским и невозвратно-потерянным, дорогим и во всех смыслах ценным. Изменилось время – повзрослел и изменился сам Толстой, и эти перемены самым непосредственным образом отразились на эволюции «казанского сюжета» в его творчестве.

И, наконец, третий и последний вывод, который нам хотелось бы сделать, тоже касается толстовских слов, произнесенных на встрече с казанскими и эвакуированными писателями в октябре 1941 г., – это слова о «почти родном» городе, как назвал писатель Казань, которая хоть и присутствовала, как мы видели, в его биографии, но присутствовала довольно эпизодически и чаще случайно. В таком случае – что такого произошло к октябрю 1941 г., что позволило писателю назвать Казань родной для себя? Случилось еще что-то, о чем утаила переписка и художественная проза писателя? Или другим стало его понимание самого слова «родное», «родина»? На наш взгляд, произошло последнее: повзрослевший и многое переоценивший Толстой с началом Великой Отечественной войны сумел отодвинуть в прошлое все юношеские обиды и разочарования, недоумения и вопросы и с этой новой обретенной им позиции посмотрел в том числе и на Казань, из города расставаний и анекдотических стычек, криминальных происшествий и политических переворотов превратившуюся в часть Родины – «движения народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений» [9, с. 366].

Таким образом, подводя общий итог нашему исследованию, мы можем констатировать, что признание А. Н. Толстого, взятое на вооружение казанцами, если оно в самом деле было произнесено им и было произнесено в том виде, как оно запомнилось и воспроизводится теперь в разных источниках³, надо рассматривать в качестве своего рода художественного произведения, совмещающего в себе реальность и вымысел, факт и фантазию, воспоминание о том, что было, и допущение того, что могло бы быть.

³ Цитировавшиеся выше слова А. Н. Толстого много и часто повторяются в краеведческих публикациях, появляющихся в различных казанских средствах массовой информации, но одного – сколько-нибудь авторитетного – источника, в котором было бы зафиксировано это высказывание, нам так и не удалось обнаружить.

Список источников

1. Виртуальная выставка «Казань в судьбе Алексея Николаевича Толстого» (К 140-летию со дня рождения А. Н. Толстого). URL: <https://kitaphane.tatarstan.ru/index.htm/news/2160741.htm>. (дата обращения: 27.03.2025).
2. Бушканец Е. Первые публикации в Казани // Вечерняя Казань. 1983. 28 ноября. С. 3.
3. Алексей Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев, 1982. 368 с.
4. А. Н. Толстой о литературе и искусстве. М., 1984. 560 с.
5. Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. Том пятый. М., 1983. 584 с.
6. Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. Том четвертый. М., 1983. 766 с.
7. Воронцова Г. Н. Татьяна Сергеевна Сикорская – прототип главной героини повести А. Н. Толстого «Гадюка»? // Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 4. М., 2024. С. 390–401.
8. Подольская М. «Олечка, распахни окно!» // Казань. 2015. № 7. С. 54–65.
9. Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. Том десятый. М., 1986. 511 с.

References

1. Virtual'naya vy'stavka "Kazan' v sud'be Alekseye Nikolaevicha Tolstogo" (K 140-letiyu so dnya rozhdeniya A. N. Tolstogo) [Virtual Exhibition "Kazan in the Fate of Alexey Nikolaevich Tolstoy" (On the 140th Anniversary of A. N. Tolstoy)]. URL: <https://kitaphane.tatarstan.ru/index.htm/news/2160741.htm>. (date of access: 27.03.2025). (In Russian)
2. Bushkanets, E. (1983). *Pervye publikatsii v Kazani* [First Publications in Kazan]. *Vechernyaya Kazan*, Noyabr' 28, 3 p. (In Russian)
3. *Aleksei Tolstoi i Samara. Iz arkhiva pisatelya* [Alexey Tolstoy and Samara. From the Writer's Archive]. 368 p. Kuibyshev. (In Russian)
4. *A. N. Tolstoi o literature i iskusstve* [A. N. Tolstoy on Literature and Art]. 560 p. Moscow. (In Russian)
5. Tolstoi, A. N. (1983). *Sobr. soch.: V 10 tt. Tom pyaty'i*. [Collected Works: In 10 Volumes. Volume Five]. 584 p. (In Russian)
6. Tolstoi, A. N. (1983). *Sobr. soch.: V 10 tt. Tom chetyvorty'i*. [Collected Works: In 10 Volumes. Volume Four]. 766 p. Moscow. (In Russian)
7. Vorontsova, G. N. (2024). *Tat'yana Sergeevna Sikorskaya – prototip glavnoi geroini povesti A. N. Tolstogo "Gadyuka"?* [Tatyana Sergeevna Sikorskaya – the Prototype of the Main Character from A. N. Tolstoy's Story "The Viper"?]. Moscow, pp. 390–401. (In Russian)
8. Podolskaya, M. (2015). "Olechka, raspakhni okno!" ["Olechka, Open the Window!"]. *Kazan*. No. 7, pp. 54–65. (In Russian)
9. Tolstoi, A. N. (1986). *Sobr. soch.: V 10 tt. Tom desyaty'i* [Collected Works: In 10 Volumes. Volume Ten]. 511 p. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 29.03.2025
Поступила в редакцию 29.03.2025

Перепёлкин Михаил Анатольевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
mperepelkin@mail.ru

Perepelkin Mikhail Anatol'evich,
Doctor of Philology,
Professor,
Samara University,

34 Moskovskoe Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
mperepelkin@mail.ru